

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Андрея Львовича Туркевича

«Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность
профессора В.Е. Майера (1918–1985 гг.)», представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Двадцатый век много дал развитию высшего образования и исторической науки в России. Прежде всего, речь идёт о развитии сети вузов в нестоличных городах, провинции. Появившись менее чем сто лет назад, они быстро стали крупными образовательно-культурными центрами, изменившими и влияющими на социокультурный ландшафт российских регионов, способствовали повсеместному формированию слоя интеллигенции. Этот, по сути, тектонический сдвиг, с одной стороны, обуславливается и обуславливается государственной политикой, а с другой – титаническими усилиями людей на местах. Важной составляющей процесса окультуризации российского (советского) региона через вузы было развитие в них гуманитаристики. Причём, развитие это происходило в классическом дисциплинарном духе. Он в данном случае проявляется в приобщении к всеобщей истории – античной, средневековой и новой. Становление ныне признанных у нас и за рубежом центров исследований истории Древней Греции и Древнего Рима, византинистики, англоведения, германистики и др. в тех городах, где сто лет назад ещё и вузов не было, – феномен, который имеет большие перспективы изучения в истории, историографии и культурологии. Один из таких ещё редких опытов представлен в диссертации Андрея Львовича Туркевича.

Помимо указанной научной актуальности, это квалификационное сочинение имеет актуальность общественно-политическую. В нём исследуются основы этнокультурной, историко-культурной идентичности региона, в данном случае Удмуртии. Для Удмуртского государственного университета Вильгельм (Василий) Евгеньевич Майер является судьбоносным деятелем первой величины, а потому его биография, сопряженная с «биографией» пединститута и госуниверситета, актуальна и в этом смысле. Нельзя не согласиться с диссертантом в том, что изменение «архитектуры» высшей школы в современной России обостряет вопрос о её советских традициях и их неучёта/учёта в этом процессе (с. 4–5). В связи этим возникает потребность оценки вклада В.Е. Майера в строительство высшей школы Удмуртии.

Различные аспекты приведённых выше феноменов диссертант исследует через биографию конкретного человека – учёного-историка, преподавателя, просветителя, административного работника и даже политика республиканского масштаба – Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера (1918–1985). Несмотря на то, что в центр исследования поставлена фигура историка, применение современных методик истории и историографии – исторической биографики,

историографической биографии, изучение коммуникационных связей, историко-антропологического подхода, текстология научного и творческого наследия, реконструкция культурно-исторического контекста – приводит к результатам, которые позволяют однозначно считать диссертацию работой по истории Удмуртии, России. В ней представлены, кроме прочего, история высшей школы и науки Удмуртии в XX в., становление доселе невиданной школы германистики, культурная и образовательная политика Удмуртии, «немецкий вопрос» в годы Великой Отечественной войны, кадровая политика в СССР, в Поволжско-Уральском регионе, Удмуртии и пр.

А.Л. Туркевич использовал комплексный подход, сочетающий достоинства источниковедческого, историографического, конкретно-исторического исследования, для того, чтобы осмыслить биографический феномен В.Е. Майера «как историка, педагога и общественного деятеля, отразившего эпоху, в которой он жил и работал» (с. 13). Для достижения этой цели автор решал четыре задачи, взаимосвязанные переплетением приватного, научного, административного, вузовского, республиканского пространств (с. 13–14). Достижению цели и решению задач диссертационного исследования соответствует подбор репрезентативной базы источников, при классификации которых диссертант продемонстрировал необходимую квалификацию (с. 14–22). В ней учтены основы этого источниковедческого направления, и она же соотнесена с задачами исследования. Это является одним из достижений диссертанта.

Диссертация состоит из Введения, четырёх глав, Заключения и списка источников и литературы, а также – двух Приложений.

Во **Введении** (с. 3–29) обоснована актуальность темы (с. 3–5) и новизна исследования (с. 26–27) на фоне относительно устоявшейся традиции изучения аспектов биографии В.Е. Майера (с. 6–13), профессионально сформулированы объект и предмет (с. 5), хронологические и территориальные рамки (с. 5–6), цель, задачи исследования, выдвинуты на защиту 7 положений (с. 27–28). Они позволяют позиционировать диссертацию А.Л. Туркевича по специальности 07.00.02 – Отечественная история, при весомом историографическом компоненте исследования. Все положения, вынесенные на защиту, в диссертации получили полное обоснование. Эти положения, во-многом, сопрягаются с положениями новизны исследования (с. 26–27), которые подтверждают новаторский характер исследования А.Л. Туркевича.

В разделе Введения «**Методология и методы исследования**» (с. 22–26) много внимания уделено современным прикладным исследовательским практикам, проистекающим из теоретических изысканий в современной гуманитаристике – интеллектуальная биография, историко-биографический метод и концепт «человека второго плана» (с. 23–26). Автор использует эти исследовательские подходы для постижения феномена В.Е. Майера. Обращает внимание диссертант и на изучение

конкретной биографии во всей полноте её жизненной истории (с. 26). Чтение диссертации убеждает в том, что прописанные во Введении подходы, принципы, методы и методики задействованы в исследовании.

В первой главе «В.Е. МАЙЕР В 1918–1955 ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ» (с. 30–63) рассматриваются особенности личностного формирования В.Е. Майер. Автор диссертации из-за источникового дефицита и особенностей жизненного пути В.Е. Майера отказался от анализа крупных личностнообразующих факторов, например, семьи, учёбы в Московском университете, друзей, профессиональной деятельности и т.п. В силу особенностей времени, в котором жил и развивался В.Е. Майер, на него в большей степени влияли события и процессы. Немецкая культурная и языковая среда сменилась атмосферой добывания хлеба насущного в условиях социалистического индустриального развития, затем – повторное обращение к образованию, продолженного в МГУ как будущего историка, в контексте культурной революции в СССР. Этому биографическому обзору на фоне эпохи посвящен *первый параграф первой главы* (с. 30–45). То или иное сведение о Майере в 1920–1930-е гг. сопрягается с процессами, в которых тот участвовал. И каждому событию, процессу посвящается пространный экскурс. И не всегда в подобном экскурсе много места отводится В.Е. Майеру, но только так единичные, окказиональные его упоминания насыщаются смыслом и становятся подлинными биографическими фактами. Убедительность приобретают тезисы высказанные в работе о формировании атеистического мировоззрения В.Е. Майера, его искренней, идущей от матери, приверженности социалистическим идеалам, о роли немецкого языка в биографии, о выработке убеждения об опоре на свои силы.

Второй параграф первой главы повествует о той противоречивой роли, которую сыграли Великая Отечественная война и репрессии в отношении немцев в судьбе В.Е. Майера (с 46–63). Он, желавший защищать свою Родину, повоевавший и раненый, был затем отправлен в тыловые части. Позже был демобилизован и принужден при поражении в правах, как все немцы, в тяжёлых условиях трудиться на благо Победы. Указывая на то, что такое положение Майера и других немцев мало чем отличалось от положения заключённых в то время, А.Л. Туркевич обнаруживает обстоятельства, позволяющие указать и на определённую гибкость политики по отношению к советским немцам. На примере В.Е. Майера видно, что власть старалась его использовать, что называется, «по специальности». В 1943 г. он преподаёт историю с рисованием в школе, привлекается к пропагандистской работе с военнопленными вермахта и даже представляется к званию младшего лейтенанта НКВД. С одной стороны, война надолго определила ущемлённое оскорбительное положение В.Е. Майера и его родных, повлияла на разрыв первого брака, а с другой позволила ему увидеть, осознать свои силы и способности на преподавательском и гуманитарно-научном поприщах и привязала душевно к Удмуртии.

В первой главе диссертации А.Л. Туркевича прописан целый пласт смежных по теме исследования проблем истории интеллигенции, общественной мысли и общественного движения в России-СССР в первые три десятилетия советской власти.

Вторая глава диссертации «РОЛЬ В.Е. МАЙЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УГПИ-УДГУ» состоит из трёх параграфов (с. 64–132). В *первом* из них (с. 64–79) представлена картина становления изучения и преподавания всеобщей истории Удмуртском пединституте до того, как В.Е. Майер появился в вузе. История складывания этой вузовской традиции показана в связи с историей пединститута с момента его основания в 1931 г. Перед читателем развернута просопография специалистов, преподававших всеобщую историю в Удмуртском пединституте. Жизненные траектории С.Н. Чеботарёва, Л.Н. Заболотской, Е.А. Миллиор, А.Н. Багаутдинова, В.С. Маркина и эвакуированных в годы войны Ижевск историков в совокупности складываются в коллективный портрет характерного и нравного «коллеги» В.Е. Майера, «коллеги» со своими преимуществами и недостатками. Данный результат исследования А.Л. Туркевича ценен для постижения того, как формировалась региональная вузовская корпорация историков в СССР. И в будущем соотнесение этой просопографии с просопографией других научных центров позволит прийти к новым знаниям по истории России и её высшей школы.

Второй параграф второй главы (с. 79–92) продолжает просопографическую линию. Только теперь черты коллективного портрета определяет и В.Е. Майер, и новые его коллеги, которыми прирастала созданная в 1946–1947 гг. кафедра всеобщей истории УГПИ. В её среде формировался В.Е. Майер и он же воздействовал на эту среду. Её особенности потом надо будет учитывать, приумножать, а какие-то менять, когда Майер станет заведующим. Весьма интересными и заслуживающими положительной оценки видятся сведения диссертации об отношениях на кафедре, её микроклимате, на который влияли политико-идеологические процессы в послевоенном СССР. А.Л. Туркевич сумел уловить и выразить в диссертации те малозаметные изменения, черты развития научных интересов, методических поисков, обусловившие то, что кафедре суждено было жить, а целому научному направлению развиваться в Удмуртии. В *третьем параграфе* (с. 92–132) диссидентант, будучи обеспеченным репрезентативным набором источников, представил В.Е. Майера заведующим кафедрой. Он имеет стратегическое видение развитие кафедры и определяет её развитие в кадровом (чтобы каждое направление истории преподавалось специалистом), научном и методическом аспектах. При этом Майер учитывает и психологические особенности каждого сотрудника коллектива, восполняет неизбежные потери. Весьма актуальными видятся приёмы работы заведующего кафедрой, применявшиеся В.Е. Майером для сплочивания коллектива, выработки корпоративной самодисциплины. Третий параграф показателен и в

отношении исследовательской работы А.Л. Туркевича. История кафедры УГПИ с 1964 г. по 1985 г. перетекает не только в новейшую её историю уже в составе УдГУ, но и в современное бытие Института истории и социологии УдГУ. И диссертант проявляет человеческий такт, деликатность при исследовательских оценках наставников тех, кто ныне работает в УдГУ, и их самих.

В третьей главе диссертации (с. 132–224) исследуются аспекты научной деятельности В.Е. Майера. Материал *первого параграфа* (с. 132–169) показывает то, насколько глубоко диссертант овладел той проблематикой, которой занимался В.Е. Майер. А.Л. Туркевичу удалось проследить зарождение, развитие интереса В.Е. Майера истории города и села Германии XV–XVI вв. Диссертант владеет и источниками по истории Германии, и источниками историографического плана настолько, что может раскрыть проблему для читателя, интересующегося трудами В.Е. Майера. Вехами его плодотворного научного пути представлены диссертации – кандидатская (1955 г.) и докторская (1968 г.; с двухлетним прохождением докторантуры в 1962–1964 гг.), – написанные при руководстве М.М. Смирина. Показано, как столичная наука пускала корни в советском провинциальном вузе, делая ставку на способных исследователей. После защиты докторской диссертации В.Е. Майер расширил исследовательское поле. Он – и источникoved, переводящий на русский язык немецкие источники, и специалист по истории идеологии и общественно-политической мысли позднесредневековых германских земель Учёный-германист В.Е. Майер в диссертации А.Л. Туркевича представлен во всей широте своего научного поиска, который охватывал и удмуртскую историю и этнографию.

Во *втором параграфе третьей главы* (с. 170–193) А.Л. Туркевич с опорой на схоларные исследования показал (и доказал) процесс формирования научной школы В.Е. Маейра в УдГУ и вне его стен на рубеже 1960–1970-х гг. Как и при организации работы кафедры, В.Е. Майер понимал, что он хочет и как будет делать. Это – отбор учеников, начиная со студенческой скамьи (приведены конкретные примеры). Затем – реализация потенциала учеников через аспирантуру, открытую в УдГУ. Следующий шаг – отправка учеников в аспирантуры других вузов с последующим их возвращением в Alma Mater. Немаловажным преимуществом было и то, что В.Е. Майер при возвращении кадров давал темы по другим областям и периодам всеобщей истории (что перекликается с кадровой политикой по кафедре). Это компенсировалось унификацией подхода к источнику, местом базирования на конкретной кафедре, вниманием к методике обучения ремеслу историка. Справедлив вывод диссертанта о научно-педагогической школе В.Е. Маейра (с. 193). Трудно переоценить и роль III Всесоюзного научного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма (1979 г.) в УдГУ для становления школы В.Е. Майера.

Третий параграф третьей главы (с. 193–224) освещает деятельность В.Е. Майера посту проректора по научной работе в 1972 (1971)–1976 гг. – при создании и укреплении УдГУ. В.Е. Майер заложил основы научной политики и политики подготовки научных кадров в УдГУ. Это – формализация научной отчётной документации для наукометрического мониторинга, решение кадровой проблемы остеинённых преподавателей, выстраивание системы научно-исследовательской работы студентов с прицелом на формирование из них учёных, новая модель университетской библиотеки, способной воспринять нынешние вызовы информатизации, компьютеризации, выход науки на решение практических задач и, как следствие, регламентация хоздоговорных исследовательских работ и многое другое. Диссертант представил В.Е. Майера величиной не только университетского, но республиканского масштаба, отцом-основателем.

В четвёртой главе (с. 225–270) была рассмотрена общественно-просветительская деятельность В.Е. Майера. В *первом параграфе* (с. 225–249) диссидентом биография В.Е. Майера была рассмотрена в контексте его просветительской и популяризаторской работы в республиканском обществе «Знание» и ижевском отделении Советского общества дружбы с ГДР. В этих сферах востребованным оказался опыт В.Е. Майера, накопленный ещё в ходе пропагандистской работы в лагерях для военнопленных. Став активным участником общества «Знания», В.Е. Майер довольно быстро возглавил его, определив его новое целеполагание, уход от узких тем (как в случае с представителями медицинского вуза), расстановка особых акцентов на атеистической пропаганде, работу по подготовке квалифицированных лекторов и др. Как в прочих видах деятельности и в работе Советского общества дружбы с ГДР, В.Е. Майер проявлял последовательность, аккуратность и основательность. И этот тезис А.Л. Туркович обеспечивает большим фактическим материалом. Подобная организаторская работа В.Е. Майера подкреплялась его персональным личным вкладом и в подготовке лекционного материала и его методики, что освещено во *втором параграфе* (с. 250–259). *Третий параграф* (с. 260–270) содержит материал по деятельности В.Е. Майера на посту депутата районного совета народных депутатов Индустриального района Ижевска в 1965–1971 гг. Автор диссертации ставит и профессионально решает вопрос о гражданской позиции и активности В.Е. Майера (с. 260), анализируя факты его депутатской деятельности. Кроме этого, здесь представлен срез микроистории Ижевска. Истоки этих микроисторических процессов А.Л. Туркович убедительно вывел от Конституции 1936 г. Экскурс в историю складывания систему советских органов местного самоуправления (под контролем государства) здесь уместен и ограничен. Диссидент показал и то, что В.Е. Майер искренне и добросовестно выполнял свой общественно-политический долг. Соотнесение данного обстоятельства с тем, что в войну и после неё Майер пострадал от Советской власти, позволяет

сделать вывод, что он свою обиду (если она была) не распространял на служение Родине.

В **Заключении** (с. 271–277) А.Л. Туркевич представил решение заявленных задач и подтвердил обоснование положений, вынесенных на защиту. Особо необходимо указать, что ценность проведённого А.Л. Туркевичем исследования заключается ещё и в том, что в оборот после необходимых научных процедур введёны новые источники. Это обстоятельство открывает широкие горизонты для биографического исследования самого В.Е. Майера, а также его коллег и, вообще, истории высшей школы Удмуртии и её республиканского центра в XX в.

Выводы диссертации подкреплены авторской интерпретацией источниковедческих и историографических текстов. В.Е. Майер представлен великим тружеником-интеллигентом, служащим народу своей Родину и своему делу.

Приложения к диссертации содержат основные даты жизни В.Е. Майера, и ряд фотографий.

Автореферат содержит изложение основных положений диссертации. Диссертационная работа и автореферат написаны ярким, образным, ясным и в то же время научным языком.

Положительно оценивая диссертационное исследование, надо высказать ряд замечаний.

Замечания:

1. Надо указать на чрезмерную увлеченность автора диссертации концептом «Человека второго плана». Человек второго плана – это «незаурядная личность», которая, впрочем, не обгоняет время, не претендует на роль движителя истории (с. 25–26). Самой своей диссертацией А.Л. Туркевич не позволяет считать В.Е. Майера «человеком второго плана». Как же уместить в рамки этой модели движущую, творчески-преобразовательную роль В.Е. Майера в созидании целой научно-педагогической школы в провинциальном вузе, в определении вектора научного развития УдГУ, выведении к новым высотам просветительской деятельности в республике и пр.? Упрощённый подход диссертанта к концепту «человека второго плана» не позволил увидеть две важные методологические проблемы.

Суть первой проблемы заключается в логике исторического выбора и «назначения» на позиции лидера, человека «первого плана» и, соответственно – второго плана. Те же исторические деятели, которые незаслуженно не воспринимаются современниками, а потом и поколениями потомков главными, вдруг стремительно приобретают качество «главности». После ухода В.Е. Майера из жизни и диссертацией А.Л. Туркевича прошло всего-то, по историческим меркам, чуть больше 30 лет. Вторая проблема заключается в фокусировании исторической оптики. Если смотреть на личность и деятельность В.Е. Майера с точки зрения академических институтов, университетов Москвы и Санкт-Петербурга, то можно приобщить его к когорте историографических фигур «второго

плана» (и то в определённых случаях можно и поспорить). Если выбрать площадкой обзора Удмуртии или даже Поволжско-Уральский регион, то Майер выходит на первый план: по-немецки педантичный, последовательный, логичный, принципиальный, волевой преобразователь научного, учебно-педагогического, методического, управленческого и культурного пространства в Удмуртии и за её пределами.

2. Категорически не соглашусь с радикальным утверждением диссертанта, которое где-то и обесценивает учебно-методическое наследие В.Е. Майера: «Сегодня умение грамотно составлять конспекты можно рассматривать как пережиток прошлого. Школьник, студент, исследователь, которого интересует какой-либо документ или книга, обладает широчайшим спектром возможностей для «удаленного» пользования. Та или иная статья может быть доступна в сети интернет, интересующие исследователя страницы монографии могут быть сфотографированы, что позволяет обращаться к ним в любое время и т.д. Необходимость составления конспекта просто отпала» (с. 257). Очевидно, что В.Е. Майера конспект и соответствующие формы работы заботили как способ организации информации, делания её своей, а не только как фиксация редкого текста. В противном случае хотелось бы услышать дополнительные аргументы А.Л. Туркевича.

3. Своебразие источникового массива исследования по месту нахождения – архивохранилища и библиотеки Удмуртии – определили замкнутость и ограниченность удмуртскими рамками исследования и самоценность последнего. Отсюда – минимум сравнительного материала. А он мог бы дать приращение фактографии. Например, по вопросу обучения В.Е. Майера в университете. Если нет сведений по студенческой жизни В.Е. Майера в 1937–1941 гг., то пробел можно было бы восполнить обращениям к жизни студентов-историков 1939 года поступления. На этом курсе учился С.О. Шмидт и в связи с ним и его юбилеями выходили отдельные воспоминания.

4. Локальная ограниченность диссертационного исследования сузила свободу историографического манёвра диссертанта. Материал по формированию региональных центров исторической науки помог бы выявить уникальное в опыте высшей школы Удмуртии и ещё более выпукло представить заслуги В.Е. Майера.

5. Более активное использование наработок по истории исторической науки в XX в. позволило бы А.Л. Туркевичу заострить и исследовать вопрос о борьбе с космополитизмом в конце 1940-х гг. Зная о конфликтах на этой почве в Иванове, Горьком, Казани, можно только предполагать, что происходило в УГПИ, где рядом с бесправным немцем В.Е. Майером трудились евреи, как нападки они могли выдержать. Кстати, нападки на С.Я. Лурье фиксируются именно в это время. До войны их не отмечено. Поэтому объяснение ими того, что Е.А. Миллиор оказалась в Ижевске не убедительно, хотя и есть ссылка на издание 1978 г. Доверие авторам этой

мемориальной заметки – без должной историографической проверки – привело к неточности.

6. Диссертант в ряде случаев предпочитает лёгкие решения и проявляет осторожность в предложении собственных гипотез и предположений. Только этим можно объяснить, что автор доверяется газетной заметке о военнопленных немцах в Удмуртии (с. 53), согласно которой пропаганда ценностей и преимуществ советского образа жизни не оказывала на них должного влияния. Такие тезисы предлагать после тщательной проверки. В сюжете о влиянии немецко-протестантской среды на формирование В.Е. Майера можно было бы порассуждать о том, что утверждённое в меннонитстве правило сознательного крещения в зрелом возрасте, могло повлиять на формирование атеистического мировоззрения. Интересны были бы рассуждения о том, как протестантская этика российских немцев поспособствовала выработке тех или иных личностных качеств В.Е. Майера.

7. Более смелые предположения можно было бы сделать и в отношении научного формирования В.Е. Майера. Из материалов, представленных А.Л. Туркевичем, напрашивается вывод, что тема кандидатской и докторской диссертаций были предложены М.М. Смириным, исходя из доступности источников исследователю из далёкой от Москвы Удмуртии. Эти опубликованные источники давно были в России, и их надо было вводить в научный оборот. Так выявляется ещё один аспект формирования региональных школ и центров по всеобщей истории в СССР–России.

Содержащиеся в данном отзыве замечания не влияют на положительную оценку диссертации А.Л. Туркевича. Содержание опубликованных автором работ отражает главные выводы диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при написании монографий, учебников и учебных пособий по истории, источниковедению и историографии научного и публицистического творчества В.Е. Майера, истории медиевистики в России, истории исторического знания и высшего образования в Удмуртии, в специальных курсах. А.Л. Туркевичем подготовлено квалифицированное комплексное исследование.

Актуальность и новизна исследованной проблемы, практическая значимость полученных результатов, научная обоснованность сделанных выводов по главам и в Заключении позволяют с полным основанием утверждать, что диссертационная работа «Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность профессора В.Е. Майера (1918–1985 гг.) отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на ученую степень кандидата исторических наук; автореферат соответствует содержанию диссертации. Список публикаций А.Л. Туркевича, приведённый в автореферате, включает 15 статей. Все они, в том числе и 3 статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки России, представляют публикации

основных научных результатов диссертации. Диссертационное исследование А.Л. Туркевича является самостоятельной, единолично сделанной работой.

Диссертация А.Л. Туркевича соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – «Отечественная история», являясь комплексным исследованием личностной, научной, политико-общественной и культурно-просветительской биографии В.Е. Майера во взаимосвязи составляющих ее элементов и факторов развития исторической науки, высшей школы в России и Удмуртии. Все части диссертации взаимосвязаны между собой достижением единой цели и решением задач исследования. Выводы и положения, вынесенные на защиту, соответствуют поставленным целям и задачам исследования.

Диссертация «Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность профессора В.Е. Майера (1918–1985 гг.)» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным пунктом 9 раздела II «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а Туркевич Андрей Львович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

13.03.2017

Официальный оппонент:

профессор кафедры культуры
и психологии предпринимательства

Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
доктор исторических наук

А.А. Кузнецов

Сведения об авторе отзыва:

Автор отзыва: доктор исторических наук, доцент Кузнецов Андрей Александрович

Место работы: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Должность: профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Почтовый адрес: 603140, Нижний Новгород, пр. Ленина, 27.

Тел. 8(831)240-09-30

E-mail: nalbuz@mail.ru

